

Слабое сердце — эпизод 1 из 18

Под одной кровлей, в одной квартире, в одном четвертом этаже жили два молодые сослуживца Аркадий Иванович Нефедевич и Вася Шумков... Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только, чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают, то автор предлагаемой повести, единственно для того чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает.

Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, Шумков воротился домой. Аркадий Иванович, который лежал на кровати, проснулся и вполглаза посмотрел на своего приятеля. Он увидел, что тот был в своей превосходнейшей партикулярной паре и в чистейшей манишке. Это, разумеется, его поразило. Куда бы ходить таким образом Васе? да и не обедал он дома! Шумков между тем зажег свечку, и Аркадий Иванович немедленно догадался, что приятель собирается разбудить его нечаянным образом. Действительно, Вася два раза кашлянул, два раза прошелся по комнате и, наконец, совершенно нечаянно выпустил из рук трубку, которую было стал набивать в уголку, возле печки. Аркадия Ивановича взял смех про себя. Вася, полно хитрить! сказал он.

Аркаша, не спишь?

Право, наверно не могу сказать; кажется мне, что не сплю.

Ах, Аркаша! здравствуй, голубчик! Ну, брат! ну, брат!.. Ты не знаешь, что я скажу тебе!

Решительно не знаю; подойди-ка сюда. Вася, как будто ждал того, немедленно подошел, никак не ожидая, впрочем, коварства от Аркадия Ивановича. Тот как-то преловко схватил его за руки, повернул, подвернул под себя и начал, как говорится, душить жертвочку, что, казалось, доставляло невероятное удовольствие веселому Аркадию Ивановичу.

Попался! закричал он, попался!

Аркаша, Аркаша, что ты делаешь? Пусти, ради бога, пусти, я фрак замараю!.. Нужды нет; зачем тебе фрак? зачем ты такой легковёрный, что сам в руки даешься? Говори, куда ты ходил, где обедал?

Аркаша, ради бога, пусти!

Где обедал?

Да про это-то я и хочу рассказать.

Так рассказывай.

Да ты прежде пусти.

Так вот нет же, не пущу, пока не расскажешь!

Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что ведь нельзя, никак невозможно!

кричал слабосильный Вася, выбиваясь из крепких лап своего неприятеля, ведь есть такие материи!..

Какие материи?..

Да такие, что вот о которых начнешь рассказывать в таком положении, так теряешь достоинство; никак нельзя; выйдет смешно а тут дело совсем не смешное, а важное.

И ну его, к важному! вот еще выдумал! Ты мне рассказывай так, чтоб я смеяться хотел, вот как рассказывай; а важного я не хочу; а то какой же ты будешь приятель? вот ты мне скажи, какой же ты будешь приятель? а?

Аркаша, ей-богу, нельзя!

И слышать не хочу...

Ну, Аркаша! начал Вася, лежа поперек кровати и стараясь всеми силами придать как можно более важности словам своим. Аркаша! я, пожалуй, скажу; только...

Ну что!..

Ну, я помолвил жениться!

Аркадий Иванович, не говоря более праздного слова, взял молча Васю на руки, как ребенка, несмотря на то что Вася был не совсем коротенький, но довольно длинный, только худой, и преловко начал его носить из угла в угол по комнате, показывая вид, что его убаюкивает.

А вот я тебя, жених, спеленаю, приговаривал он. Но, увидя, что Вася лежит на его руках, не шелохнется и не говорит более ни слова, тотчас одумался и взял в соображение, что шутки, видно, далеко зашли; он поставил его среди комнаты и самым искренним, дружеским образом облобызал его в щеку.

Вася, не сердись?..

Аркаша, послушай...

Ну, для Нового года.

Да я-то ничего; да зачем же ты сам такой сумасшедший, повеса такой?

Сколько я раз тебе говорил: Аркаша, ей-богу, не остро, совсем не остро!

Ну, да не сердись?

Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчил, понимаешь ли ты!

Да как огорчил? каким образом?

Я шел к тебе как к другу, с полным сердцем, излить перед тобой свою душу, рассказать тебе мое счастье...

Да какое же счастье? что ж ты не говоришь?...

Ну, да я женюсь-то! отвечал с досадою Вася, потому что действительно немного был взбешен.

Ты! ты женишься! так и вправду? закричал благим матом Аркаша. Нет, нет... да что ж это? и говорит так, и слезы текут!.. Вася, Васюк ты мой, сыночек мой, полно! Да вправду, что ль? И Аркадий Иванович бросился к нему снова с объятиями.

Ну, понимаешь, из-за чего теперь вышло? сказал Вася. Ведь ты добрый, ты друг, я это знаю. Я иду к тебе с такою радостью, с восторгом душевным, и вдруг всю радость сердца, весь этот восторг я должен был открыть, барахтаясь поперек кровати, теряя достоинство... Ты понимаешь, Аркаша, продолжал Вася полусмеясь, ведь это было в комическом виде: ну, а я некоторым образом не принадлежал себе в эту минуту. Я же не мог унижать этого дела... Вот еще б ты спросил меня: как зовут? Вот клянусь, скорей убил бы меня, а я бы тебе не ответил.

Да, Вася, что же ты молчал! да ты бы мне всё раньше сказал, я бы и не стал шалить, закричал Аркадий Иванович в истинном отчаянии.

Ну, полно же, полно! я ведь так это... Ведь ты знаешь, отчего это всё, оттого, что у меня доброе сердце. Вот мне и досадно, что я не мог сказать тебе, как хотел, обрадовать, принести удовольствие, рассказать хорошо, прилично посвятить тебя... Право, Аркаша, я тебя так люблю, что, не будь тебя, я бы, мне кажется, и не женился, да и не жил бы на свете совсем!

Аркадий Иванович, который необыкновенно был чувствителен, и смеялся, и плакал, слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились в объятия и позабыли о бывшем.

Как же, как же это? Расскажи мне всё, Вася! Я, брат, извини меня, я поражен, совсем поражен; вот точно громом сразило, ей-богу! Да нет же, брат, нет, ты выдумал, ей-богу, выдумал, ты наврал! закричал Аркадий Иванович и даже с неподдельным сомнением взглянул в лицо Васи, но, видя в нем блестящее подтверждение неопровержимого намерения жениться как можно скорее, бросился в постель и начал кувыркаться в ней от восторга, так что стены дрожали.

Вася, садись сюда! закричал он, усевшись наконец на кровати.

Уж я, братец, право, не знаю, как и начать, с чего! Оба в радостном волнении смотрели друг на друга.

Кто она, Вася?

Артемьевы!.. произнес Вася расслабленным от счастья голосом.

Нет?

Ну, да я тебе уши прожужжал об них, потом замолк, а ты ничего и не заметил. Ах, Аркаша, чего стоило мне скрывать от тебя; да боялся, боялся говорить! Думал, что всё расстроится, а я ведь влюблен, Аркаша! Боже мой, боже мой! Видишь ли, вот какая история, начал он, непрерывно останавливаясь от волнения, у ней был жених, еще год назад, да вдруг его командировали куда-то; я и знал его такой, право, бог с ним! Ну, вот он и не пишет совсем, запал. Ждут, ждут; что бы это значило?..